

Joseph Sheridan
LE FANU
1814–1873

Джозеф Шеридан
ЛЕ ФАНЮ

В тусклом стекле

Повести, рассказы

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Л 53

Перевод с английского
Людмилы Бриловой, Ольги Варшавер,
Натали Калопиной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

© Л. Ю. Брилова, перевод, 2004, 2019
© О. А. Варшавер, Н. А. Калопина,
перевод, 1993, 2019
© С. А. Антонов, примечания, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-15733-0

*Эти тома
автор с чувством глубокой симпатии
посвящает своему давнему другу
Бринсли Хоману, эсквайру*

ЗЕЛЕНый ЧАЙ

ПРОЛОГ

Мартин Хесселиус, врач из Германии

Я получил основательное медицинское образование и собирался практиковать в качестве терапевта или хирурга, но судьба распорядилась иначе. Обе упомянутые области медицины тем не менее интересуют меня по-прежнему. Едва вступив на избранную мной благородную стезю, я вынужден был ее покинуть, и виной тому не лень и не пустой каприз, а крохотная царапина, причиненная анатомическим скальпелем. С потерей двух пальцев, которые пришлось срочно ампутировать, еще можно было бы примириться; главное — ущерб, нанесенный здоровью, ибо с того дня я забыл, что такое хорошее самочувствие; в довершение всего мне нужно было постоянно разъезжать — жить на одном месте хотя бы в течение года доводилось нечасто.

Во время странствий я познакомился с доктором Мартином Хесселиусом и обнаружил в нем свое подобие: бродягу, врача и, более того, страстного энтузиаста медицинской науки. В отличие от меня, однако, он путешествовал по доброй воле, и, хотя в Англии богачом бы его не назвали, почитаться человеком зажиточным (как говаривали в старину) он мог вполне. В то время, когда я увидел его впервые, он был уже немолод, нас разделяло немногим менее тридцати пяти лет.

В лице доктора Мартина Хесселиуса я обрел наставника. Знания его были безграничны, интуиция потрясала. Как никто другой, доктор Хесселиус был способен сделаться кумиром в глазах юного и восторженного поклонника врачебного искусства. Мое восхищение выдержало проверку временем, выстояло против самой смерти, и в выборе объекта почтения я не ошибся — сомнений в этом нет.

Почти двадцать лет я проработал секретарем доктора Хесселиуса. Он оставил на мое попечение огромное количество рукописей; их надлежало привести в порядок, снабдить указателем и отдать в переплет. Любопытно то, как доктор излагает некоторые истории болезни. Можно подумать, что записи принадлежат двум разным людям. Обо всем увиденном и услышанном он повествует от лица человека неглупого, однако не принадлежащего к медицинскому сословию; но, покончив с подобным рассказом и выпроводив пациента через дверь собственного холла на свет божий или же через врата тьмы к обители мертвых, доктор, вновь вооружившись терминологией своей науки, переходит к анализу симптомов, постановке диагноза и прочим ученым рассуждениям.

В бумагах доктора Хесселиуса попадают истории, которые будут интересны не только специалистам-медикам: они способны также послужить развлечению (или устрашению) обычного, далекого от медицины читателя. Нижеследующий рассказ в точности скопирован с записей доктора Хесселиуса, за исключением незначительных поправок, касающихся не сути повествования, а лишь его словесной формы. Само собой разумеется, имена действующих лиц заменены на вымышленные. Рассказчиком является сам доктор. Приводимые заметки выбраны из множества описаний болезни, состав-

ленных им шестьдесят четыре года назад, во время поездки в Англию.

Заинтересовавший меня материал изложен в нескольких письмах, адресованных другу доктора, профессору Ван Лоо из Лейдена. Адресат был по профессии не врачом, а химиком, но принадлежал к числу тех людей, которые посвящают свое свободное время изучению самых разнообразных наук: и истории, и метафизики, и медицины. Некогда вышеназванному профессору случилось даже написать пьесу.

Таким образом, рассказ отчасти утрачивает свою ценность как документ, имеющий отношение к медицинской науке, но зато выигрывает в занимательности и способен заинтересовать даже не искушенного в тонкостях врачевания читателя.

Из сопроводительной записки ясно, что письма, по-видимому, были возвращены доктору Хесселиусу после смерти профессора, в 1819 году. Некоторые из них писаны по-английски, другие — по-французски, но бóльшая часть — по-немецки. Сознаю, что мой перевод не заслуживает эпитета «изящный», но в верности оригиналу ему не откажешь. И пусть я позволил себе иные отрывки опустить, иные — подсократить, однако же не присочинил при этом ни слова.

ГЛАВА I

Доктор Хесселиус рассказывает о своей первой встрече с преподобным мистером Дженнингсом

Преподобный мистер Дженнингс высок и худ. Он средних лет; в его аккуратности, в старомодной манере одеваться проступает консервативная чопор-

ность. Он держится, разумеется, с подчеркнутым достоинством, но без скованности, — нет, на истукана мистер Дженнингс не походит нисколько. До красавца ему далеко, однако черты лица у него правильные, и запечатлена в них безграничная доброта с примесью робости.

Я впервые увидел мистера Дженнингса однажды вечером у леди Мэри Хейдьюк. Его очевидная скромность и благожелательность располагают к нему людей при первом же знакомстве.

Гостей собралось не много, и мистер Дженнингс внес свой весьма приятный вклад в беседу. Заметно было, что он предпочитает скорее слушать, чем говорить, но речи его всегда уместны по содержанию и отточены по форме. Он ходит в любимцах у леди Мэри, которая, кажется, спрашивает у него совета по самым разным поводам и убеждена, что на свете нет человека счастливее его. Плохо же она его знает!

Преподобный мистер Дженнингс холост и, как говорят, является обладателем шестидесяти тысяч фунтов в государственных бумагах. Он не чуждается благотворительности. Его пламенное желание — подвизаться на церковной ниве, но всякий раз, когда он бывает в Уорикшире, где служит викарием, и может наконец отдаться своему святому призванию, здоровье, обычно его не подводящее, неизменно отказывает, причем весьма странным образом. Об этом мне известно со слов леди Мэри.

Да, несомненно, на мистера Дженнингса находят временами таинственная хвороба, неоднократно настигавшая его даже во время богослужения в чудесной старинной церкви в Кенлисе. Кто знает, где гнездится болезнь: в сердце или в голове. Раза три-четыре, а то и чаще, отслужив определенную часть

священного ритуала, он внезапно замолкал и после некоторой паузы, судя по всему, совершенно неспособный продолжать службу, воздевал к небу глаза и руки в немой молитве, а затем, охваченный непонятным стыдом и ужасом, трепеща, сходил с кафедры и направлялся в ризницу, покинув свою недоумевающую паству на произвол судьбы. Происходили такие сцены всегда в отсутствие помощника священника. В настоящее время, отправляясь в Кенлис, мистер Дженнингс всегда заботится о том, чтобы рядом с ним в храме находилось еще одно лицо духовного звания, готовое в случае надобности принять священное бремя из его ослабевших рук.

Но стоит мистеру Дженнингсу сдать окончательно, покинуть свой приход и возвратиться в Лондон, в свой тесный дом на темной улочке в районе Пиккадилли, он чувствует себя как нельзя лучше; так полагает леди Мэри, а я придерживаюсь на этот счет особого мнения. Ну что ж, будущее покажет.

Мистер Дженнингс — джентльмен с головы до пят. Однако люди замечают в нем некоторые странности. Создается впечатление, что в нем кроется нечто непонятное. В этом отчасти повинно одно обстоятельство, о котором, насколько я понимаю, люди забывают либо просто не придают ему значения. Мне же эта особенность бросилась в глаза, причем почти сразу. У мистера Дженнингса есть манера кидать косые взгляды вниз, на ковер. Можно подумать, что он сопровождает глазами что-то движущееся. Так, разумеется, бывает не всегда, а время от времени. Но достаточно часто, чтобы, как я уже говорил, манеры мистера Дженнингса казались в определенной степени необычными. В этом соскальзывающем вниз взгляде чудятся одновременно и робость, и беспокойство.

Философствующий медик (как Вы, со свойственной Вам любезностью, меня наименовали), который при разработке теории опирается на данные, полученные в ходе своей практической деятельности, посвящает всестороннему изучению указанных данных много больше времени, чем обычный врач, и, соответственно, заметно превосходит этого последнего в том, что касается тщательности и детальности анализа: такой медик незаметно для себя самого приобретает привычку к внимательному наблюдению. Эта привычка сопровождает его повсюду, а объектом такого бесцеремонного, как полагают иные, наблюдения может стать любой, лишь бы имелась хоть малейшая надежда, что полученные таким образом данные вознаградят исследователя за его старания.

Именно упомянутая надежда и воодушевила меня, когда в небольшой приятной компании, собравшейся вечером в доме леди Мэри, я впервые встретил робкого, любезного, но сдержанного джентльмена — преподобного мистера Дженнингса. Разумеется, нижеследующие заметки включили в себя не все, что мне стало известно: детали, интересные лишь специалистам, я здесь не привожу — их можно найти в моих научных трудах.

Должен заметить, что, когда я говорю о «медицинской науке», я (и надеюсь, со временем круг моих единомышленников пополнится) употребляю этот термин в более широком смысле, чем допускает сугубо материалистический подход. Я полагаю, что окружающий нас материальный мир является конечным выражением духовного мира, его порождением и составной частью. Я считаю, что в основе человеческой личности лежит духовное начало, что

дух — это организованная материя, но от материи в обычном понимании слова он отстоит столь же далеко, сколь свет или электричество; что физическое тело есть не более чем оболочка и, соответственно, смерть не кладет конец существованию человеческой личности, а всего лишь освобождает ее от физического покрывала. Процесс освобождения начинается с того момента, который мы называем смертью, и завершается несколькими днями позднее пробуждением к высшей жизни.

Если поразмыслить над обрисованными выше постулатами, то обнаружится, что они имеют непосредственное отношение к медицинской науке. Однако было бы неуместно приводить здесь аргументы и анализировать следствия этой теории, признаваемой, к сожалению, лишь немногими.

И вот я, по своему обыкновению, тайком, весьма осторожно наблюдал за мистером Дженнингсом (думаю, он это заметил) и обнаружил, что он в свою очередь тоже потихоньку наблюдает за мной. Когда же леди Мэри случайно обратилась ко мне по имени, я заметил, что преподобный Дженнингс взгляделся в меня пристальней и после этого минутудругую пребывал в задумчивости.

Затем, беседа с одним из присутствующих, я уловил, что мистер Дженнингс не спускает с меня глаз. О причине его интереса ко мне я догадывался. Вскоре он, воспользовавшись удобным случаем, завел разговор с леди Мэри, и я, как это обычно бывает, уже не сомневался, что речь идет о моей персоне.

Священник постепенно перемещался туда, где я стоял, и вскоре между нами завязалась беседа. Когда встречаются два начитанных и много повидавших человека, можно ли сомневаться, что им найдет-

ся, о чем поговорить? Привела мистера Дженнингса ко мне отнюдь не случайность. Он знал немецкий и прочел мои «Очерки метафизической медицины» — книгу, которая скорее дает поводы для размышлений, чем устанавливает истины.

Этот весьма учтивый джентльмен, робкий и явно склонный к чтению и философствованию, который, пребывая в нашем кругу, все же казался здесь в определенной мере инородным телом, — этот человек, хранивший, как я начал подозревать, перипетии своего существования в строжайшей тайне не только от света, но и от своих ближайших друзей, осторожно взвешивал в уме ряд идей, имевших касательство ко мне.

Незаметно для него я проник в его мысли и теперь всячески старался усыпить бдительность собеседника, не выдать случайным словом, что у меня зародились кое-какие догадки по поводу как его личных обстоятельств, так и планов, связанных со мной.

После недолгой беседы на общие темы мистер Дженнингс наконец сказал:

— Меня очень заинтересовали, доктор Хесселиус, некоторые ваши работы о метафизической медицине, как вы ее называете. Я их читал на немецком лет десять-двенадцать назад. Они переведены на английский?

— Нет, уверен, что нет, в противном случае я бы об этом знал. Думаю, для перевода требуется мое согласие.

— Около двух месяцев назад я просил здешних издателей достать мне эту книгу в оригинале, на немецком, но мне сказали, что она уже разошлась.

— Да, она действительно уже несколько лет как распродана. Моему авторскому тщеславию льстит,

что вы не забыли мою книжечку, хотя, — заметил я с улыбкой, — десять-двенадцать лет — достаточно большой для этого срок. Остается предположить, что либо затрагиваемые в ней предметы являются постоянной темой ваших размышлений, либо какие-то недавние события стали поводом для возобновившегося интереса к моим скромным трудам.

Эти слова и мой пристальный вопрошающий взгляд внезапно повергли собеседника в растерянность, так что он напомнил мне зардевшуюся от смущения девицу. Мистер Дженнингс уставился в пол, не зная, куда девать руки, скрестил их на груди, и на мгновение вид у него сделался не только ошеломленный, но прямо-таки виноватый.

Я воспользовался наилучшим способом преодолеть неловкость, а именно притворился, будто не заметил ее вовсе, и как ни в чем не бывало продолжал:

— Случалось, и не однажды, что у меня вновь возникал интерес к какой-либо давно оставленной теме: одна книга наводит на мысль о другой, и часто невольно приходится сломя голову гоняться за материалами, с которыми имел дело лет двенадцать назад. Если вам по-прежнему нужна моя книга, я с радостью исполню ваше желание; у меня осталось два-три экземпляра, и я почту за честь преподнести вам один из них!

— Вы чрезвычайно любезны, — отозвался мистер Дженнингс, мгновенно овладев собой. — А я уж было отчаялся; не знаю, как мне вас благодарить.

— Умоляю, ни слова более. Это, право, такая малость, что и предлагать неловко. Еще одно упоминание о благодарности, и я в порыве самоуничтожения брошу книгу в огонь.

Мистер Дженнингс улыбнулся. Он осведомился, где я остановился в Лондоне, затем мы коротко поговорили о всякой всячине, после чего он удалился.

ГЛАВА II

Доктор расспрашивает леди Мэри, и она отвечает

— Я в восторге от вашего викария, леди Мэри! — воскликнул я, как только мистер Дженнингс удалился. — Он много читал, путешествовал, думал, страдал, наконец, так что из него просто обязан был выйти великолепный собеседник.

— Так оно и есть. А самое главное — он очень хороший человек, — ответила мне хозяйка дома. — Я пользуюсь его неоценимыми советами в делах, связанных со школами и прочими моими скромными начинаниями в Долбридже, и он не жалеет усилий, хлопочет, не считаясь со временем, если может быть чем-либо полезен. Вы даже представить себе не можете, сколько в нем доброты, до чего он умен.

— Приятно слышать, что мистер Дженнингс такой замечательный сосед. Я имел случай оценить его как собеседника — скромного, располагающего к себе. А к вашему описанию я тоже, сдаюсь мне, мог бы кое-что добавить.

— Да что вы говорите!

— Во-первых, он холост.

— Да, верно. Продолжайте.

— Он писал, но теперь не пишет, забросил это занятие, вероятно, года два-три назад. Книга его была посвящена какому-то отвлеченному предмету — возможно, теологии.

— Что ж, он действительно писал книгу; не могу только припомнить о чем, но уж точно не на близкую мне тему, так что, скорее всего, вы правы. А сейчас он в самом деле больше не пишет — сомнений нет.

— И хотя он здесь сегодня не пил ничего, кроме чашечки кофе, он питает слабость к чаю — или, по крайней мере, питал, — и вкус у него экстравагантный.

— Да-да, чистая правда.

— Он пил зеленый чай, причем в больших количествах, — продолжил я.

— Ну и ну! Из-за этого зеленого чая у нас едва не доходило дело до ссор.

— Но сейчас он отказался от этой привычки?

— Да, полностью.

— А теперь еще кое-что. Знали вы его родителей?

— Обоих. Отец его умер всего лишь десять лет назад. Они жили неподалеку от Долбриджа. Мы с ними были в дружеских отношениях, — ответила леди Мэри.

— Далее: либо матери мистера Дженнингса, либо отцу — скорее всего, отцу — являлись призраки.

— Да вы волшебник, доктор Хесселиус!

— Волшебник или не волшебник, но я прав? — спросил я весело.

— Безусловно. Его отец был человек замкнутый и с причудами и вечно досаждал моему отцу пересказом своих снов. В один прекрасный день он поведал очень необычную историю — о том, как ему встретилось привидение, с которым у него завязалась беседа. Этот рассказ особенно запомнился мне по той причине, что я отчаянно боялась мистера Дженнингса-старшего. Дело происходило задолго

до его смерти, во времена моего детства. Мистер Дженнингс был человек молчаливый и хмурый. Он имел обыкновение появляться в гостиной в сумерки, когда я сидела там одна. В таких случаях я воображала себе, что вижу выглядывающих у него из-за спины духов.

Я улыбнулся и кивнул.

— Ну а теперь, когда я окончательно утвердился в роли волшебника, пришла пора пожелать вам доброй ночи.

— Но как же вы все это узнали?

— По расположению планет, разумеется, как делают цыгане, — откликнулся я, и мы распрощались на веселой ноте.

На следующее утро я отослал мистеру Дженнингсу его вожденную книжицу, приложив к ней записку. Вернувшись домой вечером, я узнал, что мистер Дженнингс наведывался сюда в мое отсутствие и оставил свою визитную карточку. Он осведомлялся, дома ли я и когда меня можно застать.

Не намеревался ли он рассказать о том, что его беспокоит, и испросить моих медицинских услуг? Надеюсь, так оно и было. Я уже успел подобрать ключ к тайне его личности. Сведения, полученные мной от леди Мэри в тот вечер, немало этому способствовали. И мне очень хотелось услышать подтверждение своих догадок из уст самого мистера Дженнингса. Но как побудить его к откровенности, не выходя при этом за рамки приличия? Крайне сложно. Вероятно, он и сам подумывает о беседе по душам? Сделаю все, чтобы дать ему такую возможность, и для этого, дорогой мой Ван Лоо, я намерен нанести ему завтра визит. Это будет не более чем ответная любезность с моей стороны. Таким путем я надеюсь приблизиться к цели. Удастся мой замысел или нет, об этом я вас извещу.

ГЛАВА III

Доктор Хесселиус извлекает некоторые сведения из латинских книг

Ну так вот, я побывал на Бланк-стрит. Из разговора в дверях со слугой я узнал, что мистер Дженнингс в настоящую минуту занят: беседует с неким священнослужителем из Кенлиса (прихода мистера Дженнингса). Чтобы сохранить за собой возможность явиться еще раз, я сказал, что зайду в другое время, и намеревался уже удалиться, когда слуга извинился и, окинув меня взглядом несколько более внимательным, чем пристало человеку его положения, спросил, не я ли доктор Хесселиус. Получив утвердительный ответ, слуга сказал: «Раз так, сэр, то не разрешите ли мне доложить об этом мистеру Дженнингсу, поскольку он, как мне известно, очень желает вас видеть?»

Слуга скоро вернулся и сообщил, что мистер Дженнингс просит меня подождать в его кабинете (который заменяет гостиную), где он через несколько минут ко мне присоединится.

Комната действительно заслуживала названия кабинета, даже более того — библиотеки. Высокий потолок, два высоких окна, пышные темные гардины. Помещение оказалось значительно обширней, чем можно было ожидать, и всюду, от пола до потолка, громоздились книги. Верхний ковер — а я, вступив на него, почувствовал, что под ним имеется еще один, а то и два, — турецкий. Ноги мои ступали совершенно беззвучно. Узкие окна из-за соседних книжных шкафов оказывались в глубоких нишах. А в целом комната, очень уютная, даже роскошная, выглядела мрачноватой. Добавьте сюда еще нерушимую тишину, и впечатление получится едва ли

не тягостное. Впрочем, на мое тогдашнее расположение духа влияли, вероятно, еще и какие-то побочные факторы. Преподобный Дженнингс казался мне человеком необычным, и в этом на редкость безмолвном доме, на пороге абсолютно беззвучной комнаты, я был охвачен неким особым предчувствием. Полумрак, заполнившие все вокруг книги (кроме них на стенах висели только два узких зеркала) не располагали к бодрости.

В ожидании мистера Дженнингса я от нечего делать стал рассматривать книги на полках. Среди книг, стоявших корешками вверх на полу под полками, я неожиданно обнаружил полное издание «*Agna Caelestia*»¹ Сведенборга. Это были очень красивые тома *in folio*² в аккуратных кожаных переплетах, приличествующих богословскому сочинению, с золочеными надписями и пунцовым обрезом. В нескольких имелись закладки. Один за другим я взгромоздил фолианты на стол и, открыв заложенные страницы, прочел высказывания на величавой латыни, которые были отмечены на полях карандашом. Некоторые из них, в переводе на английский, я привожу ниже.

«Когда открыто внутреннее око человека, око его души, тогда ему являются вещи, принадлежащие к иному миру, обычному зрению недоступные...

Мне дано было узреть внутренним оком потусторонний мир яснее, чем я вижу здешний. Это свидетельствует о том, что внешнее зрение происходит от внутреннего, а последнее в свою очередь от еще более глубокого, и так далее...

Каждого человека сопровождает не менее двух злых духов...

¹ «Небесные тайны» (лат.).

² В полный лист (лат.).

Духи зла и в речах проворны, но при этом язык их резок и суров. Однако не всем их речам присущи бойкость и напор: в некоторые из них порочные мысли вкраплены едва заметно.

Те злые духи, что сопутствуют человеку, суть выходцы из ада, однако в аду более не пребывают, но исторгнуты оттуда. Их место при этом между небесами и преисподней, и зовется оно миром духов. Духи, вселившиеся в человека, будучи в названном мире, от адских мук удалены, но разделяют все без изъятия помыслы и страсти человека, а следовательно, и в наслаждениях с ним едины. Ввергнутые же снова в ад, они возвращаются к тому, чем были ранее...

Когда бы злым духам дано было постичь, что, связанные с человеком, они имеют притом отдельное от него существо, когда бы в их власти было перемещаться в его теле и проникать в его различные члены, то они бы измыслили тысячу способов повредить человеку, ибо в них живет лютая к нему ненависть...

И вот, зная, что я есть человек, облеченный телом, они не оставляли попыток сокрушить меня, и не только тело мое, а первое всего душу, ибо вовлечь в погибель человека ли, духа ли есть величайшая радость для посланцев ада, однако Господь неизменно оборонял меня. Узрите же, сколь опасно человеку иметь общение с духами, если не укрывает его твердыня веры...

Сопутствование человеку — старательнее всего хранимая от духов тайна; иначе, прознав об этом, они бы обратили к нему злонамеренные речи, желая погубить его...

Излюбленное услаждение адских сил — вредить человеку и увлекать его к вечной гибели».

Я обратил внимание на длинную запись в конце страницы, сделанную остро отточенным карандашом. Аккуратный почерк принадлежал мистеру Дженнингсу. Ожидая увидеть комментарии к тексту, я прочел несколько слов и остановился в удивлении, ибо обнаружил нечто совершенно иное. Записи начинались словами: «Deus misereatur mei» — «Господи, сжался надо мной». Убедившись таким образом, что едва не вторгся в тайники чужой души, я отвел глаза, захлопнул книгу и поставил на прежнее место все тома, за исключением одного, заинтересовавшего меня, в который, как и пристало книжнику и отшельнику, ушел с головой, забыв даже думать об окружающем мире и о том, где сейчас нахожусь.

Я читал страницы, где речь идет об «олицетворениях» и «соответствиях» (таковы термины, употребляемые Сведенборгом), и дошел до того места, где говорится, что злой дух глазам любого существа, ему не родственного, предстает, по закону соответствия, в образе свирепого и ужасного зверя (*fera*), олицетворяющего те вожеления, которые ему присущи. Тема трактуется подробно, с описанием многих разновидностей этих зверей.

ГЛАВА IV

Книгу читали двое

Я читал, водя краем пенала по строчке, и вдруг что-то заставило меня поднять глаза.

Прямо передо мной в одном из уже упомянутых зеркал отражалась высокая фигура моего друга, мистера Дженнингса, который, склонясь над моим плечом, углубился в чтение той же страницы, что и я. Лицо его, мрачное, искаженное волнением, трудно было узнать.

Я повернулся к нему и встал. Он тоже выпрямился и, с усилием изобразив улыбку, проговорил:

— Я вошел, поздоровался, но вас было не оторвать от книги, поэтому я не удержался от любопытства и позволил себе — боюсь, бесцеремонно — взглянуть, что вы читаете. Вам ведь довелось уже много ранее ознакомиться с трудами Сведенборга?

— Да, разумеется! Сведенборгу я обязан многим, следы его влияния вы обнаружите в той книжке о метафизической медицине, к которой вы проявили столь лестный для меня интерес.

Какие старания ни прилагал мой собеседник в попытках изобразить беззаботность, по его слегка порозовевшему лицу я понял, что он взволнован.

— Едва ли это мне по плечу, я ведь плохо знаю Сведенборга, — ответил он. — Эти тома я приобрел недели две назад. Как мне показалось — судя по той малости, что я успел прочесть, — они способны повергнуть в трепет человека, ведущего уединенную жизнь. Я не хочу сказать, что это произошло со мной, — добавил он с улыбкой. — Весьма признателен за книгу. Надеюсь, вы получили мою записку?

Я произнес все те фразы, какие диктовались вежливостью и скромностью.

— Еще ни одна книга не задевала меня за живое так, как эта, — продолжал Дженнингс. — Я заметил сразу: за ней стоит нечто большее, чем изложено на бумаге. Вы знакомы с доктором Харли? — спросил он внезапно.

(Между прочим замечу, что так звался один из наиболее выдающихся врачей, практиковавших в Англии. — *Издатель.*)

Я успел познакомиться с доктором Харли и, поскольку имел к нему рекомендательные письма, удостоился в высшей степени любезного приема. Кроме

того, пока я был в Англии, он оказал мне немалые услуги.

— Большого дурня мне, пожалуй, встречать не доводилось, — отрезал мистер Дженнингс.

Впервые я слышал от него такое резкое высказывание, да еще по поводу столь уважаемой особы. Я слегка опешил:

— В самом деле? А в чем это проявляется?

— В профессиональной области.

Я улыбнулся.

— Я вот что имею в виду, — продолжал он. — Мне представляется, что он наполовину слеп. То есть половина того, что он видит, окутана тьмой, другая же ясна и до неправдоподобия прозрачна. И хуже всего то, что такое восприятие он культивирует в себе *намеренно*. Мне его не понять: он постоянно увиливает. Я немного знаю Харли как врача, но в области медицины меня тянет сравнить его с паралитиком: мозг его наполовину мертв. Как-нибудь при случае — а таковой непременно представится, — я расскажу вам об этом во всех подробностях, — говорил Дженнингс с легкой дрожью в голосе. — Насколько мне известно, вы собираетесь пробыть в Англии еще не один месяц. Если в это время мне придется ненадолго отлучиться из города, не разрешите ли побеспокоить вас письмом?

— Буду счастлив, — заверил я.

— Весьма признателен. В Харли я разочаровался совершенно.

— Он склоняется в сторону материалистической школы, — заметил я.

— Материалист до мозга костей, — поправил меня Дженнингс. — И передать не могу, как раздражает такая позиция тех, кто мыслит глубже. Пожалуй-ста, не говорите никому из наших общих знакомых, что я захандрил. Я держу в тайне от всех, даже от

леди Мэри, что обращался к доктору Харли, да и вообще к врачам. Так что прошу вас: ни слова об этом. В случае приближения приступа я напишу вам, если разрешите, а будучи в городе, обращусь напрямую.

В моей голове роились всевозможные догадки, и я невольно устремил на священника испытующий взгляд. Дженнингс на миг опустил глаза и произнес:

— Вы, без сомнения, раздумываете над вопросом, почему бы мне теперь же не сообщить вам, в чем дело, или строите гипотезы на этот счет. Можете ломать голову хоть до второго пришествия — это бесполезно.

Он покачал головой, и по его лицу солнечным лучиком мелькнула улыбка, но внезапно она скрылась за набежавшим на нее облаком, и мистер Дженнингс сквозь стиснутые зубы набрал в легкие воздух: так вдыхают люди, испытывающие сильную боль.

— Печально слышать, что вам приходится опасаться за свое здоровье; если понадобится помощь врача, обращайтесь ко мне в любую минуту. Излишне добавлять, что я не злоупотреблю вашим доверием.

Тут мистер Дженнингс перевел разговор на совершенно иные темы, и вскоре я довольно весело откланялся.

ГЛАВА V

Доктор Хесселиус получает приглашение в Ричмонд

Хотя расстались мы на мажорной ноте, но ни он, ни я к веселью расположены не были. Пусть я врач и нервы мои закалены, но иногда бывает так, что вы-

ражение человеческого лица — этого зеркала души — выводит меня из равновесия. Взгляд мистера Дженнингса преследовал меня; он настолько потряс мое воображение, что пришлось отказаться от прежних планов на вечер и отправиться в оперу, дабы развеяться.

Дня два или три я не получал известий ни от Дженнингса, ни о нем, а затем мне вручили довольно бодряую, исполненную надежд записку. Там было сказано, что ему в последние дни стало значительно лучше, — можно сказать, он совсем здоров, а потому намерен на месяц-другой вернуться в свой приход и посмотреть, что из этого получится. Он не устает благодарить небо за свое — как надеется — выздоровление.

Через день-другой я увиделся с леди Мэри, и она подтвердила то, о чем говорилось в записке. Леди Мэри сказала, что мистер Дженнингс в настоящее время находится в Уорикшире — вновь приступил к выполнению своих пасторских обязанностей в Кенлисе. Она добавила: «Я начинаю верить, что мистер Дженнингс абсолютно здоров, да и прежде не страдал ничем, кроме нервов и воображения. У нас у всех нервы не в порядке, но, думаю, от такого недуга есть средство: работа. К нему он и обратился. Не удивлюсь, если мы еще год его здесь не увидим».

И все же двумя днями позже я держал в руках письмо, посланное мистером Дженнингсом из его дома вблизи Пиккадилли:

«Дорогой сэр!

Я снова в Лондоне. Мои надежды обернулись ничем. Если буду в силах увидеться с Вами, то отправлю письмо с просьбой зайти ко мне. Теперь же я слишком плох — попросту не способен рассказать

Вам все, что мне хотелось бы. Прошу, не упоминайте обо мне в разговорах с моими знакомыми. Я сейчас не в состоянии ни с кем видаться. А Вам я, с Божьей помощью, вскоре еще дам о себе знать. Пока что я собираюсь ненадолго съездить в Шропшир, к родным. Храни Вас Господь! По возвращении надеюсь встретиться с Вами, и пусть встреча наша окажется более радостной, чем это письмо».

Неделей позже я наведалься к леди Мэри. Лондонский сезон подошел к концу, поэтому все знакомые леди Мэри, по ее словам, уже разъехались, а она сама намеревалась со дня на день отправиться в Брайтон. Леди Мэри сказала, что получила из Шропшира известие — от племянницы Дженнингса, Марты. Из письма она поняла только, что мистер Дженнингс чем-то обеспокоен и пребывает в подавленном настроении. Здоровые люди не принимают такие слова всерьез, но какие же муки таятся за ними иной раз!

В дальнейшем новостей о мистере Дженнингсе долго не поступало. Лишь на исходе пятой недели я получил от него письмо. Вот что там было сказано:

«Я жил за городом, сменил климат, обстановку, окружение — сменил все, кроме *самого себя*. Я решил — я преисполнен решимости — все Вам рассказать. Если это не нарушит Ваши планы, жду Вас у себя сегодня, завтра или послезавтра, но умоляю, приходите как можно скорее. Вы и представить себе не можете, как я нуждаюсь в Вашей помощи. У меня есть дом в Ричмонде, в тихом месте. Там я теперь и нахожусь. Надеюсь, Вы найдете время пообедать со мной, или позавтракать, или даже попить чаю. Найти меня проще простого. Слуга с Бланк-стрит, который доставит эту записку, будет ждать у Ваших две-

рей в коляске в любой удобный для Вас час, я же всегда на месте. Вы скажете, конечно, что мне не следует оставаться в одиночестве. Но я перепробовал все. Приходите и убедитесь сами».

Я позвал слугу и сказал, что собираюсь к мистеру Дженнингу в тот же вечер.

Вечером, когда я по короткой сумрачной аллее из вязов подъезжал к старомодному кирпичному дому, затененному и почти совсем скрытому густой листвой, мне подумалось, что лучше бы мистер Дженнингс остановился в меблированных комнатах или в гостинице. Избрав это место, такое унылое и безмолвное, он поступил необдуманно. Дом, как я узнал, принадлежал мистеру Дженнингу. Проведя день или два в городе, но решив почему-то, что оставаться там долее ему неведомо, мистер Дженнингс прибыл сюда. Объяснялся этот переезд, вероятно, тем, что здесь он жил на всем готовом, был предоставлен сам себе и свободен от необходимости думать и принимать решения.

Солнце уже село, и с запада струился красноватый рассеянный свет, какой бывает только вечером, — зрелище, знакомое каждому. В холле было совсем темно, но в дальнюю гостиную, окна которой выходили на запад, проникал все тот же сумеречный свет.

Я сел и устремил взгляд в окно: деревья, в изобилии росшие окрест, были залиты медленно меркнувшим заревом, величественным и печальным. В углах комнаты уже сгустились тени; очертания предметов начали расплываться, сумрак постепенно проникал и в мое воображение, готовое к встрече с чем-то зловещим. Так я дожидался в одиночестве, пока не явился мистер Дженнингс. Открылась дверь

передней комнаты, и, плохо различимая в красноватом вечернем освещении, показалась его высокая фигура. Он вошел неспешно, крадущимися шагами.

Мы обменялись рукопожатием, и Дженнингс уселся рядом со мной у окна, где было еще достаточно светло, чтобы видеть лица друг друга. Он тронул меня за рукав и, минуя околичности, сразу же приступил к рассказу.

ГЛАВА VI

Как мистер Дженнингс впервые обнаружил, что он теперь не один

Перед нами на западе слабо светился небосклон, величаво раскинулись безлюдные в те дни леса Ричмонда, а вокруг сгущался сумрак, и на неподвижном лице моего собеседника (оставаясь добрым и ласковым, оно все же изменилось: увидев его, вы сказали бы, что это лицо страдальца) покоился случайный тусклый отблеск вечерней зари; бывает так, что это неяркое сияние внезапно выхватывает из тьмы какой-нибудь предмет и на его поверхности мгновение-другое пляшут неотчетливые светлые блики. Тишина не нарушалась ничем — ни дальним громыханием экипажа, ни лаем собаки. Внутри дома также царило безмолвие — уныние холостяцкого жилища, которое посетила болезнь.

Вглядываясь в это искаженное мукой лицо, странно рдевшее на фоне темноты и похожее на портрет кисти Схалкена, я догадывался, какого рода историю мне предстоит услышать, но о конкретных подробностях не имел ни малейшего представления.

— Началось это, — произнес мистер Дженнингс, — пятнадцатого октября, тому назад три года,

одиннадцать недель и два дня. Я веду точный счет, ибо каждый новый день приносит новую муку. Если вы заметите, что я упустил в своем рассказе какую-нибудь существенную подробность, скажите об этом сразу... Года четыре назад я приступил к работе, ради которой мне пришлось очень много читать и размышлять. Посвящена она была религиозной метафизике древних.

— Как же, — вставил я, — религия просвещенного, философствующего язычества, не имеющая ничего общего с идолопоклонством. Широкое и весьма интересное поле для исследований.

— Да, но опасное для разума — я имею в виду разум христианина. Язычество — единая система, включающая в себя все аспекты мировосприятия. Языческая вера вовлекает в свой порочный круг и искусство, в котором как стиль, так и предмет представляют собой не что иное, как коварное, погубительное прельщение. Господи помилуй!

Я писал и писал, я засиживался за этим занятием допоздна. Я обдумывал тему своей работы везде и всюду, куда бы ни занесли меня ноги; я пропитался ею до мозга костей. Вспомните материальную культуру язычества: в ней всегда в той или иной степени присутствует красота. Язычество восторгает и увлекает; оно заставило меня забыть об осторожности. — Он тяжело вздохнул. — Я полагаю, каждый ученый, пишущий серьезное исследование, работает, как выразился один мой приятель, *на чем-нибудь*: чае, к примеру, кофе или табаке. Мне кажется, при этом мы расходуем определенный материал, который должен время от времени восполняться, или же ударяемся за философскими занятиями в абстракции, и разум чересчур высоко воспаряет над телом,

если не напоминать ему о связи с бренным миром при помощи каких-либо ощущений. Во всяком случае, я испытывал подобную потребность и удовлетворял ее. Моим помощником стал чай: сперва самый обычный, черный и не слишком крепкий, но пил я его в больших количествах, а со временем еще увеличил концентрацию. Никаких неприятных последствий я не испытывал. Потом принялся за зеленый чай и нашел, что он приятней: проясняет мысли и обостряет ум. Я стал пить его часто, но обычной крепости, дающей наилучший вкус. Работал я в Ричмонде, благо обстановка здесь такая спокойная. Я засиживался и писал допоздна, как раз в этой комнате, и по привычке все попивал чай — зеленый чай. Я готовил его прямо на столе, в металлическом чайничке, который подвешивал над лампой. Между одиннадцатью и двумя или тремя часами ночи, когда наступала пора ложиться спать, я устраивал чаепитие раза два-три. В городе я бывал каждый день. Я не монах и на бирюка, насколько могу судить, не похож ничуть. Час-другой мне приходилось проводить в библиотеке, отыскивая необходимые сведения и цитаты из сочинений авторитетных специалистов, но, кроме того, я, по своему обыкновению, часто встречался с друзьями и с удовольствием проводил время в их обществе — короче, наслаждался жизнью, как никогда ранее.

Я свел знакомство с владельцем нескольких редких старинных книг, изданных в Германии на средневековой латыни, и почитал себя счастливым оттого, что могу подержать их в руках. Мой благодетель жил в Сити, в отдаленном квартале. Однажды я засиделся у него дольше обычного. Выйдя на улицу и не увидев поблизости ни одного кеба, я под-

дался искушению сесть в омнибус, который ходил вблизи моего дома. Когда омнибус достиг одного старого здания (вы, возможно, обратили на него внимание, там с обеих сторон от двери растет по четыре тополя), было уже темно — темнее, чем сейчас. Со мной вместе вошел единственный, за исключением меня самого, пассажир. Мы поехали быстрее. Были сумерки. Я удобно устроился в уголке у двери и предался приятным раздумьям.

Внутри омнибуса было почти совсем темно. В углу напротив, в передней части салона, я заметил два кругляшка, светившихся красноватым отраженным (как мне показалось) светом. Расстояние между ними составляло около двух дюймов. Они напоминали две медные пуговички, какие нашивают на свои кители яхтсмены. Я принялся лениво размышлять об этой, как я полагал, безделице. Из какого источника струится этот густо-красный, хотя и неяркий свет и в чем он отражается: в стеклянных бусинах, пуговичках, безделушке? Омнибус все ехал, слегка погромыхая, до моего дома оставалось около мили. Я еще не разрешил загадку, и вскоре мне показалось, что она труднее, чем я думал вначале, так как две светящиеся точки, внезапно дернувшись, переместились ближе к полу, оставаясь по-прежнему на одной высоте, да и расстояние между ними не изменилось. Потом они вдруг взлетели до уровня моего сиденья и исчезли из виду.

Тут любопытство разобрало меня по-настоящему, но не успел я поразмыслить, как снова увидел два тусклых огонька, и опять у самого пола. Вновь они исчезли и затем появились в том же углу, что и прежде.

Не сводя глаз с этих крохотных красных кружков, я стал потихоньку продвигаться к ним поближе.

В омнибусе было слишком мало света. Я склонился вперед, пытаясь разглядеть, что же это за огоньки. Притом и светящиеся пятнышки чуть придвинулись ко мне. Я начал различать очертания какого-то темного предмета и вскоре увидел достаточно ясно, что это небольшая черная обезьянка, которая тянула мордочку мне навстречу. Заинтересовавшие меня кружки оказались ее глазами, и мне почудилось, что она скалит зубы.

Я отпрянул, опасаясь, что обезьяна прыгнет на меня. Оставалось предположить, что кто-то из пассажиров по рассеянности забыл здесь этого уродца. Желая разведать, как настроено животное, но не решаясь воспользоваться для этого своей пятерней, я осторожно ткнул зверя зонтиком. Обезьяна не шевельнулась, а зонтик прошел *сквозь* нее. Да, зонтик проходил насквозь, туда и обратно, не встречая ни малейшего сопротивления.

Я бессилён дать вам понятие о том ужасе, какой тогда испытал. Убедившись, что передо мной иллюзия (как я тогда решил) и мне нельзя уже доверять своим собственным глазам, я был испуган настолько, что несколько мгновений не мог отвести взгляд от глаз зверя. Я все смотрел, а животное немного отскочило и забилося в угол. В панике, сам не помню каким образом, я очутился у двери и, высунув голову наружу, принялся глотать воздух. Глядя на стоявшие вдоль дороги деревья и фонари, я с радостью убедился, что реальность все еще существует.

Я остановил омнибус и вышел. Когда я расплачивался, кондуктор окинул меня пристальным взглядом. Надо полагать, он усмотрел нечто необычное в моей внешности и манере держаться, и это неудивительно: ни разу в жизни я не чувствовал себя столь странно.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕЛЕНый ЧАЙ. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	7
ДАВНИЙ ЗНАКОМЫЙ. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	55
СУДЬЯ ХАРБОТТЛ. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	105
КОМНАТА В ГОСТИНИЦЕ «ЛЕТЯЩИЙ ДРАКОН».	
<i>Перевод О. Варшавер, Н. Калошиной</i>	150
КАРМИЛЛА. <i>Перевод Л. Бриловой</i>	313
Примечания. <i>С. Антонов</i>	412

Ле Фаню Дж. Ш.

- Л 53 В тусклом стекле : повести, рассказы / Джозеф Шеридан Ле Фаню ; пер. с англ. Л. Бриловой, О. Варшавер, Н. Калошиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 448 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-15733-0

Джозеф Шеридан Ле Фаню — выдающийся писатель Викторианской эпохи, в которую его нередко именовали «ирландским Уилки Коллинзом» и «ирландским Эдгаром По», автор множества готических рассказов, повестей и романов, переживших на рубеже XIX–XX веков временное забвение, а затем повторно завоевавших популярность — уже у новых поколений читателей. На страницах сборника «В тусклом стекле» (1872), ставшего последней прижизненно опубликованной книгой Ле Фаню, соседствуют истории о потустороннем возмездии за давний грех — и рассказ о навязчивом наваждении, сводящем с ума добропорядочного обывателя, романтический сюжет о пылкой любви и о таинственной комнате — и легенда о вампире-соблазнителе, на четверть века опередившая «Дракулу» Брэма Стокера. Об этих необыкновенных происшествиях, в которых просматривается явное или скрытое влияние сверхъестественных сил, повествует секретарь доктора Мартина Хесселиуса — врача-психиатра и одного из первых в истории литературы «окультурных детективов»...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ДЖОЗЕФ ШЕРИДАН ЛЕ ФАНЮ
В ТУСКЛОМ СТЕКЛЕ

Ответственный редактор Сергей Антонов
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Юлия Теплова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 14.12.2018. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 19,74.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-AKB-24116-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В МОСКВЕ

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,
факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;
info@azbooka-m.ru

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,
факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В КИЕВЕ

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества
размещена по адресу:
www.azbooka.ru/new_authors/